Марина Ветрова ✦ Милана Седина

Измена мужа.

Ты лишил меня бизнеса ради любовницы, но шейх сделал меня своей невестой!

Милана Седина

Измена мужа. Ты лишил меня бизнеса ради любовницы, но шейх сделал меня своей невестой!

«Автор»
2026

Седина М.

Измена мужа. Ты лишил меня бизнеса ради любовницы, но шейх сделал меня своей невестой! / М. Седина — «Автор», 2026

Муж разрушил мою жизнь ради любовницы. Забрал свадебное агентство, уничтожил репутацию и оставил меня без работы. А ведь четырнадцать лет я организовывала чужое счастье, пока моё собственное превращалось в ложь.Я сбежала в Катар, мечтая начать всё заново. Но вместо спокойной работы получила предложение, от которого невозможно отказаться.Шейх Карим аль-Мазруи ищет невесту. Ненастоящую. На шесть месяцев. С контрактом, роскошным дворцом и строгим запретом на чувства.Я согласилась сыграть любовь за деньги. Только почему его прикосновения заставляют забывать условия договора?И что произойдёт, когда наш обман раскроется, а бывший муж узнает, кого потерял?Ведь теперь на кону не только моё сердце.

© Седина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я подал на развод 5
Глава 2. Чёрный список 8
Глава 3. Билет в один конец, бизнес-класс 10
Глава 4. Подпись, которую я не ставила 12
Глава 5. Контракт на полгода 14
Глава 6. Дебют в жемчугах 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Марина Ветрова, Милана Седина Измена мужа. Ты лишил меня бизнеса ради любовницы, но шейх сделал меня своей невестой!

Глава 1. Я подал на развод

Свадьба номер сто сорок семь закончилась в половине первого ночи салютом, который обошёлся жениху дороже, чем моя квартира за год. Тёща рыдала от счастья, невеста смеялась, тамада сорвал голос и втайне гордился этим до сих пор. Я сняла рацию, отправила команду грузить декор и поехала домой — на каблуках, которые сжимали ступни, как капкан, с мозолью размером с пятирублёвую монету и запахом лилий, не отбивавшимся даже скрабом.

Лилии — всегда знак. Если на свадьбе лилии, жди подвоха. За четырнадцать лет в профессии я поверила в это суеверие сильнее, чем в любовь.

В прихожей горел свет. На коврике, куда я обычно падала, не разуваясь, стоял чемодан. Твёрдый, с кодовым замком. Мы покупали его вдвоём на распродаже, я выбила десять процентов скидки, а Кирилл сказал: «Ты бы ещё фату поторговала».

Он сидел на кухне. Свежий, выспавшийся, в рубашке с закатанными рукавами — как с удачных переговоров. Перед ним лежала папка. Не счета, не квитанции — папка с завязками. Когда мужчине тридцать пять и он кладёт на стол папку вместо ужина, у женщины есть примерно секунда, чтобы выдохнуть.

— Я подал на развод, — сказал Кирилл.

Спокойно, ровно. Так сообщают, что в дом провели газ.

Я поставила сумку. Заметила, что из сушилки исчезла его чашка — та, с трещинкой, которую он не разрешал выбрасывать. Значит, собирался он не сегодня. Мозоль на пятке пульсировала в такт сердцу.

— Красиво подал, — сказала я. — С папкой. С чемоданом. Ты хотя бы конфетти не пожалел?

— Марго, я всё решил. Давай по-взрослому.

По-взрослому — его любимая присказка. По-взрослому мы год назад переписали доли в агентстве. Он тогда сказал: реорганизация, налоги, так надо, ты же в бумагах не сильна, я всё сделаю. И я подписала. Я вообще верила подписям и договорённостям — это единственное моё слабое место, если не считать каблуков.

— По-взрослому — это когда тебе сообщают, что твоей жизни конец, после того как ты отработала шестнадцать часов чужого счастья?

— Мы выросли из друг друга. — Он развёл руками, точно извиняясь перед клиентом за задержку доставки. — Ты строишь дни, Марго. А мне нужна жизнь.

— Жизнь с кем, если не секрет?

— Влада.

Я села. Не потому что ноги подкосились — просто так удобнее было смотреть на него снизу вверх, как на памятник, который пора сносить.

Влада Артёмова. Двадцать четыре года. Я помнила её по презентациям: дочка инвестора, заходила в наш офис в пальто стоимостью с мой квартал и говорила «наш золотой сезон» про мой рабочий график.

— Она моложе твоего агентства.

— Зато её отец старше. — Кирилл улыбнулся. Обаяние продавца, включённое в розетку. — Артёмов входит в дело. С деньгами, Марго. Настоящими.

— И моё агентство — приданое.

Кирилл не ответил сразу. Он взял папку, выровнял её по краю стола и провёл большим пальцем по завязке — будто разговор был не о моей жизни, а о неаккуратно собранном комплекте бумаг.

— Наше, — сказал он наконец.

— Ты только что сказал «моё».

— Я сказал юридически. Пятьдесят один процент, Марго. Ты подписывала, вспомни.

— Я помню, что подписывала реорганизацию. Не разрешение переименовать всё, что строила.

Он вздохнул и посмотрел на меня с тем терпением, которым продавцы встречают покупателя, уже выбравшего не тот товар.

— Поэтому я и говорю: наше. Но ты теперь, прости, медийно токсична. Бренд меняется. С понедельника мы «Дорохов и партнёры».

— Ты уже всё решил.

— Я всё оформил. Это разные вещи.

Я посмотрела на папку, на чемодан в прихожей, на его безупречно ровный воротник. Даже в моей квартире он оставлял мне роль человека, которому объясняют готовое решение.

— А «Дана»?

Вот тут он на долю секунды отвернулся. Первая честная секунда за вечер.

Сделка с катарским холдингом «Дана» была моим ребёнком. Два года переговоров. Сорок презентаций. Три вылета в Доху, где я в тридцать восьми градусах в костюме учила их свадебный оператор-проект говорить по-русски — то есть по-моему. Холдинг запускал свадебное направление — пишу это слово так, как оно звучало у них в презентациях, — и партнёром должна была стать наша компания. Моя. Я выносила этот контракт, как носят первенца: бессонными ночами, страхом потерять и гордостью на всех смотринах.

— «Дана» переоформлена в рамках реорганизации, — сказал Кирилл. — Всё, что было в агентстве, теперь в новой структуре. Всё.

— Ты забираешь сделку, которую я построила с нуля, в тот же вечер, когда подаёшь на развод?

— Я забираю своё. По бумагам. А бумагами, Марго, ты никогда не занималась — сама говорила, что это скучно.

Он встал, взял чемодан. Колёсики прошлись по моей прихожей со звуком, с которым выкатывают тело из операционной. В дверях он обернулся — и вот тут, кажется, ему стало чуть-чуть неловко. Чуть-чуть, на донышке.

— Юристы «Даны» звонили на неделе, — сказал он. — Спрашивали про допсоглашение к контракту. Подписывала ли ты.

— Какое допсоглашение?

— Ну вот и я им так же сказал: конечно, подписывала. Ты же не помнишь каждую бумажку, правда? — Он поправил воротник. — Лети, выспись. Ты отлично выглядишь, кстати. Для человека, который только что развёлся.

Дверь закрылась. За окном проревела машина — не наша, не его, чужая и дорогая.

Я сидела на кухне ещё минуту, потом встала и налила себе воды из-под крана, потому что чайник он, конечно, выключил. «По-взрослому». В квартире пахло его одеколоном, лилиями с чужой свадьбы и чем-то третьим — так пахнет жизнь, у которой уже выбили опоры.

Допсоглашение. Я перебирала в голове все бумаги за два года. Контракт с «Даной» я знала наизусть — я его строила. Но допсоглашение...

Я достала телефон, нашла письмо от их юристов, которое он переслал мне «на всякий случай» ещё неделю назад. Открыла вложение. Скан. Страница тридцать четыре, приложение семь, «уполномоченный представитель агентства — М. Тарасова».

Подпись.

Моя подпись. Размашистая, с хвостиком на «Т», как я ставлю на открытках молодожёнам. Идеально моя.

Только ставила её — не я.

Глава 2. Чёрный список

Москва вычёркивала меня три недели. Аккуратно, без свидетелей, как вычёркивают из списка гостей.

Первым ушёл «Платан» — банкетный дом, с которым мы дружили семь лет. Позвонил не директор, а его помощник: «Маргарита, ну вы понимаете, ситуация». Я не понимала, но кивала в трубку — привычка.

Потом флористка Лена, которая на моей свадьбе с Кириллом плакала громче моей матери, вернула депозит за совместный сезон и попросила больше не звонить. Голос у неё был, как у человека, которому угрожают. Или который очень боится. Лена — трусиха, но не предательница. Значит, боялась она по-настоящему.

На четвёртый день на отраслевом форуме появилась тема. «Правда о Марго Т.». Некий «гость-2012», представившийся бывшим сотрудником, рассказывал, как я якобы перекидывала клиентские деньги через свой счёт, брала наличными «для надёжности» и уходила от налогов. Детали были настолько точные — названия, даты, суммы почти правильные, — что я сама бы поверила. Так подделывают не клевету. Так подделывают правду, переврав в ней только главное.

Текст пах Стасом Литвиным, нашим коммерческим директором. Стас писал все наши официальные письма и ставил тире вместо дефиса — как «гость-2012».

Я встретилась с ним через день, в кофейне у Патриарших. Он заказал морковный торт, съел половину и смотрел на меня ласково, как смотрят на утопающую, стоя на берегу.

— Стас, скажи публично, что я не трогала деньги. Одна строчка. Ты знаешь меня девять лет.

— Я знаю, — согласился он. — Но я теперь работаю у Кирилла, Марго. И мне семью кормить. — Он аккуратно вытер рот салфеткой. — Я бы на твоём месте просто уехал. На полгодика. Пока не уляжется.

— Уехал куда?

— Куда-нибудь, где тёплое море и нет свадеб. — Он улыбнулся. — Ты же сильная. Ты всегда справлялась.

Тогда я ещё не знала, что «кормить семью» Стас будет с двух столов сразу.

В конце второй недели пришло письмо из банка. Кредит агентства, который мы «по-взрослому» реорганизовали, оказался обеспечен моей квартирой — я подписала и это, год назад, между примеркой чужого платья и доставкой чужих роз. Теперь агентства не существовало, долг повис на мне, и квартира уходила с торгов в счёт обеспечения. Дата торгов стояла в письме — через два месяца, машинным шрифтом, как приговор.

Я позвонила маме в Самару, потому что в такие вечера звонят мамам.

— Маргош, — сказала она после второго гудка. — Что случилось?

— Ничего. Позвонила.

— У тебя голос, как в двенадцать лет. Когда ты вазу разбила и два часа молчала в комнате.

Я подтянула колени к груди. На чашке у моего ботинка лимонный кружок прилип к стенке, а чай уже остыл совсем. За спиной теснились коробки: скотч цеплял выбившиеся волосы, и я всё никак не могла перестать смотреть на эту тонкую прядь — будто, отлепив её, я верну себе хотя бы один кусок прежней жизни.

— Ничего, мам. Позвонила. Просто сезон тяжёлый.

— Марго, ты мне сейчас про сезон рассказываешь или пытаешься не сказать, что у тебя всё рухнуло?

Я посмотрела на пустую полку. Кирилл забрал свои альбомы; мои я так и не решилась убрать. Ещё вчера там стояла наша общая жизнь в красивых обложках. Сегодня — пыльный прямоугольник на стене.

— Я справлюсь, — сказала я. Слова вышли привычно быстро, как готовая фраза для клиента, у которого сорвалась свадьба.

Мама не ответила сразу. В трубке шуршало что-то домашнее: крышка кастрюли, вода, её шаги по кухне. Я вдруг так ясно представила борщ на плите, что во рту появился кислый привкус щавеля.

— Я тебе борщ вчера варила. Полный котелок. Ты же его по телефону не съешь, дура.

— Мам.

— Не «мамкай». Приезжай. Я налью, ты поешь, а потом расскажешь столько, сколько сможешь. Хоть про одну коробку, хоть про всю эту беду. Здесь тебя никто из списка не вычеркнет.

Я поставила чашку рядом с коробкой. Чай оставил на полу тёмное пятно; я потянулась за салфеткой, но остановилась на полпути. Мама ждала ответа, а не отчёта о том, как я справляюсь.

— Я подумаю, — сказала я.

— Думай в электричке. Я тебя встречу. И возьму термос — дорога длинная, а у тебя, знаю, с собой опять будет один кофе.

Утром я поехала на электричке в Чехов, вести свадьбу за пятнадцать тысяч: площадка — шатёр у пруда, меню — шашлык, ведущий — племянник тамады. Хозяева праздника смотрели на меня с тихим ужасом — они тоже читали форум. Невеста шёпотом спросила: «А вы точно не... ну... с деньгами?» Я сказала: «Точно. Деньги я беру только за чужие слёзы счастья». Она не поняла, но успокоилась.

Свадьба была честная и тёплая. Под конец тётя Люда, мать жениха, обняла меня и сказала: «Доченька, у тебя руки золотые. Куда бы тебя ни выбросило — не потеряй их». Я чуть не разревелась над тазиком с оливье, но у меня не было времени — план Б всегда важнее слёз.

Звонок пришёл в среду, в девять вечера. Номер незнакомый, код чужой страны.

— Маргарита Тарасова? — Голос был мужской, выверенный, с аккуратным акцентом. — Юридический департамент холдинга «Дана», Доха. Вы фигурант дела о подделке документов в контракте с нашим холдингом. Ваше присутствие в Дохе обязательно.

— Фигурант — это мягко сказано. Я жертва.

— Это определит проверка. Билет выслан вам на почту. Рейс завтра, одиннадцать двадцать.

Я открыла письмо. Бизнес-класс. Классно живут люди, которые делают из тебя фигуранта.

— А обратный билет?

Пауза была короткой, но я успела прожить в ней всю оставшуюся жизнь.

— Это зависит от вас, госпожа Тарасова.

Глава 3. Билет в один конец, бизнес-класс

Обычно в бизнес-классе летят женихи с невестами — на медовый месяц, с шампанским и этой особой, физически ощутимой верой в вечность. Я летела как фигурант дела о подделке, но стюардесса этого не знала и называла меня «госпожа Тарасова» так, что я почти вспомнила, кем была месяц назад.

Доха встретила меня стеной жара в шесть утра. Тридцать восемь градусов — до восхода. Воздух был густой, как сироп, и пах одновременно пылью, морем и кардамоном — так, как я потом узнала, пахнет вся эта страна: специей поверх металла.

У трапа ждал мужчина в безупречной тройке, несмотря на жару, — смуглый, с планшетом в руке, как с оружием.

— Госпожа Тарасова. Фахад, канцелярия его высочества. Ваш паспорт, пожалуйста. Оформление документов займёт некоторое время.

— А если я не отдам паспорт?

— Тогда оформление займёт больше времени, — сказал он без всякой угрозы, как сообщают прогноз погоды. И улыбнулся. — Добро пожаловать в Катар.

Дворец назывался «Каср аль-Дана». Фахад перевёл по дороге, глядя на меня в зеркало заднего вида, проверяя реакцию: «дворец жемчужины». Мы проехали ворота с двумя рядами кипарисов, и я, профессионально поражённая чужими масштабами, присвистнула: одних только фонтанов было четыре, и каждый — с бюджетом областной свадьбы.

Мне дали виллу в персиковом дворе: три комнаты, бассейн, бедуинская… — нет, не буду, — кровать под балдахином, кувшины с розовой водой в ванной. На столе лежали финики, орехи и кофе с кардамоном — густой, горький, из маленького медного чайника. Пахло удом — сладким дымом, который здесь, оказывается, встречают гостей, а не провожают демонов.

Я успела поспать четыре часа, принять душ и достать блокнот, когда в дверь постучали. Вошёл Фахад — на этот раз без планшета, с лицом человека, у которого горе.

— Госпожа Тарасова. У нас чрезвычайная ситуация.

— Умирает жених?

— Что? Нет.

— Горит шатёр? Пропала невеста? Перепутали кольца?

— Сегодня вечерний приём у шайхи Фатимы. Семейный маджлис, сорок персон. Наш менеджер по событиям...

— Что с ним?

— Он сидит в кладовой и плачет. Он уволился. Сейчас.

Через двадцать минут я стояла в банкетном зале и понимала, почему. Белые хризантемы — сорок композиций белых хризантем, цветы прощания, которыми здесь не встречают, а провожают. Рассадка, по которой два кузена, не здоровающиеся четырнадцать лет, сидели рядом — за одним столом, локоть к локтю. И шафрановый крем — десерт на весь вечер — оседал в холодильнике, потому что холодильник ночью умер, а крем, как выяснилось, умер вместе с ним.

Сорок минут. У меня было сорок минут до подачи.

Я отправила садовников срезать жасмин — весь, который найдут, — и поставила его в медные чашки, по три ветки, просто и дорого. Кузенов рассадила по старшинству, а «трудного» посадила подле шайхи Фатимы: при матриархе не скандалят даже те, кто умеет только скандалить. Крем сняла с подачи полностью и объявила кухне новый план: подать финики, орехи и кофе с кардамоном как церемонию — медные подносы, два юноши, медленный проход между гостями. Люди всегда думают, что их спасают деньги. Их спасает ритм.

В восемь вечера зал звучал правильно: смех, звон маленьких чашек, жасмин. Я стояла у колонны с планшетом — уже моим, захваченным у канцелярии, — и слышала, как за спиной кто-то дышит.

В дверном проёме, опершись о косяк, стоял мужчина лет тридцати пяти. Тёмный европейский костюм, запонки, спокойствие человека, которому принадлежит всё, что я вижу, включая воздух. Он смотрел не на зал — на меня, и в глазах у него было выражение, которое я знаю лучше всех на свете: так выглядят люди, которые нашли подрядчика своей мечты.

— Вы уволили трёх моих менеджеров одним присутствием, — сказал он.

— Я не увольняю. Я использую. Уволились они сами.

— Хладнокровно. — Он шагнул ближе. — Юристы завтра в девять. Не опаздывайте: они считают опоздание признанием вины.

— А сейчас? Кто вы, чтобы объявлять мне расписание?

— Карим аль-Мазруи. — Он чуть наклонил голову. — Холдинг «Дана», Маргарита Тарасова. Всё, что вы сегодня починили, моё. Как и всё, что сломалось.

Я хотела сказать что-нибудь хлёсткое, но в этот момент мимо пронесли медные подносы с кофе, и весь зал, как один человек, потянулся к аромату кардамона — сорок персон одновременно выдохнули и потеплели. Он проследил за моим взглядом.

— И да, — сказал он уже из дверей. — Хризантемы заказывал мой дядя. Он любит точные послания. Запомните это качество — оно вам ещё пригодится.

Ночью под дверью моей виллы лежал лист расписания. Машинным шрифтом, по-деловому: «9:00 — юридический департамент. 20:00 — ужин. Его высочество. Один на один».

И ниже, от руки, другим почерком — живым, с нажимом: «Паспорт вернут, когда закончится то, зачем вы приехали».

Я так и не поняла, зачем я приехала. До девяти утра оставалось восемь часов, и я не спала ни одного из них.

Глава 4. Подпись, которую я не ставила

Юридический департамент холдинга «Дана» занимал этаж, на котором мрамор был таким белым, что болели глаза. Три юриста в белых одеждах сидели за длинным столом, как тройка судей, и посередине лежала папка с моим именем — «М. Тарасова», крупно, на куске картона.

— Мы изучили контрактный пакет с вашим агентством, — начал старший, Абдулла, включая экран. — Двести четырнадцать листов. Проект свадебного оператора холдинга. Ваша разработка, как мы понимаем.

На экране пошли страницы. Мои страницы. Мои таблицы рассадки логистики, мои таймлайны, мои схемы — всё, что я два года строила в четыре утра, в самолётах, в такси, на салфетках. Слайд за слайдом — моё. Только не моё больше.

— Страница тридцать четыре, — сказал Абдулла. — Дополнительное соглашение. Передача исключительных прав и обязательств по проекту. Подпись представителя агентства.

Подпись. Размашистая, с хвостиком на «Т».

— Я это не подписывала.

— Экспертиза, проведённая нашей стороной, — ровно продолжил Абдулла, — не исключает подлинности.

— Не исключает. — Я услышала собственный голос со стороны: тихий и ватный. — Это юридический термин для «мы не знаем» или для «нам удобно не знать»?

— Это термин для «вопрос открыт». А пока вопрос открыт, госпожа Тарасова, вы — фигурант дела. Не обвиняемая. Фигурант.

— В чём разница?

— Обвиняемой нельзя уезжать из страны. Фигуранту — незачем.

Вот так. Клетка, в которой вместо решётки — формулировки. Мне вернут телефон, дадут виллу, бассейн, жасмин в медных чашках — и не дадут выйти за периметр дела. Документы «оформляются». Паспорт «на регистрации». Обратный билет «зависит».

Вечером я попыталась забронировать перелёт сама — система вежливо сообщила, что вылеты для меня «временно недоступны». Я позвонила в авиакомпанию, и девушка на линии велела обратиться к стороне, оформившей мой билет. Ею оказался холдинг «Дана». Круг замкнулся, как жемчужное колье.

Три дня я жила в этой тёплой клетке. Ела финики, ходила вдоль бассейна, делала вид, что загораю, а сама строила в блокноте таблицу: кто, когда, кому звонил. На четвёртый день у бассейна я заметила блик — длиннофокусный объектив, короткая вспышка стекла на крыше соседнего корпуса, за границей сада.

Папараццо. На меня. На фигуранта дела из Москвы, у которой арестована квартира и съедено имя. Кому я нужна в таблоидах? Никому. Но снимают.

Я не стала кричать и звать охрану — не для того меня четырнадцать лет учили не замечать камер на чужих свадьбах. Я сделала вид, что потянулась за соком, и рассмотрела: один стрелок, жёлтая куртка, футляр со стикерами.

А назавтра его не стало.

Не «его убрали» — я не Голливуд. Его не стало профессионально: агентство, на сайте которого по ключевым словам… — по ключевым словам не выходило ничего, — опустело. Имя стрелка исчезло из подписей. Знакомая мне по Москве фотографка, которой я написала невинное «не знаешь такого?», ответила через час: «Он уехал к семье. Навсегда. Не спрашивай, Марго. Правда, не спрашивай».

Фотографии не вышли нигде. Ни одной.

Я сидела у бассейна и держала в руке холодный стакан с соком, и мне было — я честно попыталась подобрать слово — неспокойно. Я никого не просила. Я никому не жаловалась. Я даже охрану не звала. А человека, который меня снимал, за сутки стёрли из профессии — аккуратно, без крови, как с доски вытирают лишнюю строчку.

Вечером я поймала за локоть начальника охраны дворца — седого, вежливого Ясина, единственного, кто разговаривал со мной как с человеком.

— Тот фотограф с крыши. Кто им занимался?

Ясин посмотрел на меня с искренним недоумением. Очень искренним. Слишком.

— Какой фотограф, госпожа Тарасова?

И вот это «какой фотограф» испугало меня сильнее, чем испугали бы любые объяснения. Оказалось, страшнее всего — защита, о которой ты не просил. Оказалось, здесь не нужно никого ни о чём просить.

В ту же ночь под моей дверью появилась карточка. Ровный машинный шрифт: «Завтра, 20:00. Ужин на террасе. Его высочество просил передать: приходите голодной. Разговор будет не о еде».

Я посмотрела на кольцо... — нет, кольца ещё не было. — Я посмотрела на свои руки — руки, которые строили чужие свадьбы, — и поняла, что впервые за много лет не знаю программы вечера. А я всегда знала программу вечера.

Глава 5. Контракт на полгода

Терраса была на крыше: низкий стол, подушки, вода в каналах, отражающая огни Дохи. Пахло удом и морем. Карим сидел на подушках так, как другие люди стоят у своих яхт, — без усилия, с правом собственности на все окрестные километры. Жестом он предложил мне место напротив. Ужин подавали слуги и исчезали — тихо, как дым.

— Вы кормите фигурантов ужинами с видом на город? — спросила я. — Это часть допроса?

— Допрос ведут юристы. Я делаю предложения.

— Из тех, от которых невозможно отказаться?

— Вы читали слишком много плохих книг. — Он разлил кофе по маленьким чашкам. Кардамон, горечь, пар. — Хотя структура верная. Пейте. Дальше будет легче.

Я пила кофе, а он рассказывал — коротко, как докладывают о погоде. Семейный устав холдинга: глава без супруги не подписывает стратегические сделки без совета директоров. Дядя Маджид, второй человек в семье, полгода блокирует перестройку холдинга и продаёт совету простую мысль: Карим должен жениться. Правильно жениться — на Лейле, дочери Маджида. Тогда всё встанет на свои места: Маджид при власти, Карим при невесте.

— Через полгода — сессия совета, — сказал Карим. — На ней решится всё: и перестройка, и моя репутация, и, кстати, ваше дело. Мне нужно эти полгода не воевать на два фронта.

— И вы решили купить невесту.

— Я решил взять её в аренду, — сказал он спокойно, и я поперхнулась кофе, потому что он произнёс это раньше, чем я успела пошутить сама. — Полгода вы играете мою невесту. Приёмы, протокол, совет. Через полгода на сессии мы красиво расходимся, вопрос закрыт.

— Взамен?

— Две вещи. Первая: мои юристы доказывают, что подпись на допсоглашении — подделка Дорохова. Публично. Ваше имя возвращается — чище, чем было. Вторая: свадебный оператор холдинга. Отдел, сеть подрядчиков, лицензии — всё, что вы строили эти годы, после сессии уходит партнёром в вашу студию. Вашу, Маргарита. Не Дорохову. Вам.

Я смотрела на огни города и молчала. Мне предлагали мою же жизнь — вернуть, с процентами. Но сердце — орган недоверчивый, оно у меня в тот вечер колотилось так, будто я первый раз вела свадьбу.

— Отказ? — спросила я.

— Отказ — я снимаю защиту. Юристы продолжают видеть фигуранта. Москва уже всё сказала про вас, верно? Банк, форум, чёрный список. Домой, где вас съедят. — Он сказал это без нажима, и от этого было хуже. — Я не угрожаю. Я описываю погоду.

— Условия, — сказала я. Профессиональный рефлекс: пока клиент договороспособен — торгуйся. — Первое: всё письменно. Каждый пункт.

— Разумеется.

— Второе: никакого вранья. Мне надоели люди, которые «по-взрослому» молчат о главном. Хотите что-то спросить — спрашивайте. Захотите скрыть — скажите, что не хотите отвечать. Но не врите.

Он посмотрел на меня долго. Потом кивнул — медленно, как подписываются.

— Принято. И моё встречное: никакой близости. Никогда. Это работа, а работа любит сухие границы.

— Договорились, — сказала я и услышала, как в моей собственной интонации что-то дрогнуло. Записала дрогнувшее в графу «разобраться позже».

— Третье: мой юрист — независимый, ваш счёт его оплачивает. Четвёртое: я получаю доступ к материалам дела. Если я фигурант, я буду разбираться в собственной беде сама. Пятое: моя мать. Она не должна читать про меня в жёлтой прессе ни одной строчки.

— Ваша мать будет защищена, — сказал он раньше, чем я закончила. — Полёт, связь, здоровье — всё. Это не пункт торга, это условие моего собственного достоинства.

Вот тут я посмотрела на него внимательнее. Пункт о матери он не торговал. Он его просто положил на стол, как кладут не уступку — своё.

Он достал шкатулку. Внутри на белом золоте лежала жемчужина — крупная, тёплого перламутрового оттенка, с названием, которое я уже знала: «дана».

— Держите, — сказал он. — Только не роняйте, она старше нас обоих.

— Почему жемчуг? Кольцо невесты обычно...

— Жемчуг рождается из песчинки. Раковине больно, и она не может выкинуть песчинку — она может только обволакивать её, слой за слоем, годами. Пока боль не станет красотой. — Он говорил, глядя на жемчужину, и голос у него был впервые не протокольный. — Мне было тридцать два, когда умер отец, и холдинг сел мне на грудь, как тонна песка. Я знаю, как это — обволакивать. Хотел бы уметь так же красиво.

— И сколько слоёв у вас уже? — спросила я тихо.

— Достаточно, чтобы носить перчатки. — Он взял мою руку и надел кольцо. Пальцы у него были тёплые, тяжёлые, очень уверенные. — Жемчуг — это боль, с которой договорились. Считайте это символом нашего контракта.

Кольцо село идеально по размеру. Я не спрашивала, откуда он знает мой размер. К этому моменту я уже понимала: этот человек не делает ничего случайно, а всё, что делает, — делает заранее.

Контракт лежал тут же — разумеется, он был уже напечатан. Я читала каждую строчку, как учили четырнадцать лет чужих свадеб: верь не улыбке, верь подписи. Полгода. Роль. Условия. Правила двумя строками: «Никакой близости. Никакого вранья друг другу».

— Вы напечатали его до того, как я согласилась, — сказала я.

— Я не был уверен. Я рассчитывал, — поправил он. — Разница между нами и вашим бывшим мужем в том, что я рассчитываю на людей, а не на их подписи.

Я подписала. Чернила ложились легко, страница шуршала, ночь над террасой стояла плотная, как бархат, и где-то внизу плескалась вода.

— Послезавтра — первый выход, — сказал Карим, убирая контракт. — Светский приём, сто пятьдесят персон. Мой дядя уже ждёт, когда вы споткнётесь.

— А вы?

— А я, — он поднялся, и тень его легла на меня, как крыло, — буду смотреть, как вы этого не сделаете.

Глава 6. Дебют в жемчугах

Приём был «во имя партнёрства» — сто пятьдесят человек, три языка, море шёлка и столько жемчуга, что зал звенел бы, если бы жемчуг умел звенеть. Мне выдали гардероб от дворцового портного: я выбрала самое скромное — серо-голубое платье с закрытыми плечами — и надела единственные свои серьги, жемчужные гвоздики. Символ должен быть при мне.

Фахад гонял меня по протоколу три часа. Кто подаёт руку первым — женщина, и то не всегда. Кто здоровается с кем по старшинству. Как пить кофе — тремя глотками, никогда не переворачивать чашку. Я конспектировала, как перед госэкзаменом, и шутила, что на свою свадьбу так не готовилась. Фахад не улыбался. У Фахада юмор изъят канцелярией.

Дядю Маджида я узнала сразу — по тому, как он смотрел на меня: нежно. Так нежно смотрят на красиво накрытый стол перед тем, как его сломать.

— Наша дорогая гостья, — пропел он на безупречном русском — вот это было сюрпризом. — Столько странного в нашей жизни. Надеюсь, вы не заскучали в нашем дворце?

— Дворцовая жизнь не отличается от свадебной индустрии, — сказала я. — Все улыбаются, все следят, кто с кем танцует.

Смех — вежливый, правильный. Маджид держал меня за локоть чуть дольше нужного. За его спиной стояла девушка лет двадцати четырёх, тонкая, с внимательными тёмными глазами. Лейла. Дочь. Та самая «правильная» невеста, которую совет держал в рукаве.

Пока тётки — целый батальон тёток — сканировали меня от серёжек до каблуков, Лейла оказалась рядом. Наклонилась поправить цветок в вазе и шепнула едва слышно:

— Старшей тёте скажите «сахха» — пожелание здоровья. Она ждёт от вас хотя бы слова. Она у нас экзаменатор.

— Ты только что спасла мне жизнь, — шепнула я.

— Я знаю, как это — быть экзаменом, — ответила она ровно, и я не успела понять, что это значит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.